

ПЕРВЫЙ СТРАХ

Несчастье это случилось со мной года в четыре, когда я с семьей приехал погостить в деревню. Гуляя во дворе, я забрел в наш огород и пописал через плетень в соседний. Это преступление заметила бабка, которая парилась в бане. Она выскочила на воздух в чем была и закричала на меня, словно я нанес ее помидорам непоправимый ущерб.

Естественно, у меня были извинительные основания. Мне было четыре года, и я еще не разбирался в священных правах собственности, как понимаю сейчас. Конечно, неправильно писать на чужую собственность. Хотя, полагаю, зеленым помидорам это было только на пользу.

Но на мне даже не было штанов, и за плетень я взялся, возможно, только потому, что в эти годы так стоять намного устойчивей. Может быть, вполне допускаю, что старушке приблизилось, и я вообще не писал, а просто мечтательно смотрел в голубое небо, там — в деревне — небо казалось выше и звонче, но ей сослепу показалось, что я злонамеренно решил расправиться с соседскими посадками особо циничным образом. И этого уже не вернуть назад.

Бабушке было много лет. Сколько точно, сказать затрудняюсь, тогда все бабушки для меня были примерно одинакового возраста, но помню, что она была на особинку худая, тело высохшее, так что сквозь натянутую кожу проглядывали ребра и прямо посередь рта торчали два кривых зуба. Ссохшиеся груди она придерживала одной рукой, а другою — костлявою, со скрюченными пальцами — махала у меня перед глазами.

Что она кричала, я не помню, но я крепко напугался. Тут и взрослый мужик бы струхнул. На мой крик прибежала в огород мама, оторвалась от праздничного стола, старуха накинулась на нее, мать в долгу не осталась. Закипела словесная поножовщина, в которой мать мало кому уступала. Крик стоял на весь околоток. На том конце села люди выходили на улицу и заслушивались руганью, как саратовскими соловьями. Представляю, каково было родным слушать этот хаёж!

— Приехали, дорогие гости!

Видимо, соседи жили как кошка с собакой и пользовались любым удобным поводом, чтобы схватиться за оглобли. Мама мне, конечно, тоже наговорила в доме. Может, даже и шлепнула по голой заднице разок-другой. Я и сам осознал свою вину: во-первых, подставил родственников и напичкал соками многолетнюю вражду, во-вторых, выставил родителей — а нас тут принимали за городских — как бескультурных дикарей, в-третьих, и себя показал как абсолютно аморальную личность.

Уже не помню, чем закончилась ссора, но для меня все только началось. С этого дня я стал писаться в кровать. Слово «энурез» — какое-то кривое и зудящее — я слышал часто, но не понимал его значения. Образ страшной старухи не просеялся сквозь сито и застрял в сознании.

В Иркутске мы жили тогда — почти сорок лет назад — в доме барачной застройки в квартире шестнадцати квадратных метров. Мать, отец и я с сестрой. Кому-то одному — отцу или мне — приходилось спать на полу. Чаще всего отцу, потому что он поздно возвращался после работы. Днем я ничего не боялся. А вот ночью в кухне каким-то чудесным образом возникала старуха. Я предполагал, что она вылезала из-за печки. И ходила, крадучись, с пятки на носок, затаивая дыхание. Перемещения эти, конечно, были связаны с вашим покорным слугой. Она неотступно следила за мной.

Сделает шагок и прислушивается, спят ли мама и папа. Боялась их. Потом удостоверится, что спят, и снова делает небольшой шагок. И так подбиралась все ближе и ближе. На границе комнаты смотрела через шторы, но осторожно — одним глазком — и сразу пряталась, когда я открывал глаза. Я тоже, конечно, хитрил, и следил за ней сквозь ресницы.

В комнату она никогда не заходила, боясь родителей, и все выжидала. Это ожидание было страшнее всего. Я знал, что как только я усну, она схватит меня и потащит за печку.

Ночью иной раз мне приходилось вставать к горшку, который как раз стоял возле двери на кухню. Это было самое опасное время. Свет включать было нельзя, засвечивалась сразу вся квартира. Поэтому надо было делать все быстро. За все время старуха так никогда и не успевала схватить меня, видимо, что-то ее все время задерживало, совесть какая-то оставалась, но все равно сердечко у меня стучало так, словно я убегал по шпалам от паровоза.

Как-то мне прочитали сказку про Бабу-ягу, я увидел иллюстрацию, на которой Костяная Нога на лопате засовывала бедного Иванушку в печь, две картинки — Яги и старухи в деревне — соединились. Я понял, кем в действительности была эта баба в деревне!

Перед устьем печки деревянный пол был застелен железным щитом, и, когда старуха наступала на лист железа, он слабо стонал. Я знал, что засыпать нельзя, она непременно меня утащит за ногу через леса и реки, а после изжарит меня и ну кататься на моих косточках! Поэтому я терпел всюю, широко открывал глаза, чтобы не заснуть, пока сон не наваливался на меня всей силой.

Для себя я определил три места, где могла обитать старуха. Во-первых, за печкой в простенке, где внизу сушили мокрую обувь, держали на полках старую или громоздкую посуду, корыто для моего купания и большой жбан для кипячения белья. Да, неудобно, вероятно, и невозможно вообще пролезть туда взрослому человеку, но убедить меня в обратном было не под силу никому.

Во-вторых, в печке. Да, да, да! Однажды во сне я открыл дверцу печки, она лежала там скрюченная, в огне, как тот терминатор, с горящими волосами на лысом, блестящем черепе и хохотала, выставив свои кривые зубы.

Ну и, в-третьих, естественно, в голбце. Голбцем назывался подпол, в котором мы хранили картошку и соленья на зиму. Типа холодильника. Однажды, опять же во сне (у меня все видения протекали во сне), я увидел, как две половицы, из которых состояла крышка голбца, отлетели, словно от удара, и оттуда, как вертолет из-за пригорка, без помощи рук вылетела моя бабушка на кривых ногах.

Днем таких видений не случалось. Лишь однажды я лежал на диване, помню, что не спал, могу в этом поклясться, и вдруг из кухни вышел на двух лапах самый настоящий белый медведь! Здоровенный, головой упирался в потолок. Он вошел,

увидел меня, страшно зарычал и вышел вон. Что он хотел, я так и не понял. И как тут оказался? В отличие от Яги, ему вообще в кухне было негде спрятаться.

Никому про Бабу-ягу и про медведя я не рассказывал. Это была моя тайна. Боялся, что засмеют.

Днем я бесстрашно заглядывал в печку и за печку. Даже в темном сарае было не страшно. Там жили мышки, они шебуршили, я их слышал, когда оставался в сарае на ночь, но страха не чувствовал. Моя старуха жила только в кухне! Я не задавался вопросом, куда она девается днем? Хотя на самом деле, если бы я догадался, что она живет в моей голове, то и проблемы бы закончились сами собой, я думаю.

Однажды родители пошли вечером в гости, оставили меня одного, я взял себя в руки, зажег китайский фонарик и в темноте, трясаясь от страха, заглянул за печку, в голбец, открыл дверцу от печки, но, несмотря на то что никого не нашел, страх не уходил! Существовало одно верное средство, чтобы преодолеть страх: накрыться с головой одеялом. Как ни странно, это помогало! И я засыпал...

Во сне ко мне приходила бабушка, кричала на меня, а иногда я только понимал, что старая тут, рядом, как чувствовал, как у меня внизу живота становится сладко-сладко, а потом по ногам течет горячий, обжигающий ручей.

Поначалу я блаженствовал, процесс был приятный, меня как-то отпускало напряжение, все страхи улетучивались, но потом сон отступал, и, еще не проснувшись до конца, я понимал, что описался. И тогда горе наступало уже реальное.

Я будил маму, она безропотно вставала, меняла белье, и я снова ложился досыпать. Иногда приходилось убирать и матрац. Летом его сушили во дворе, зимой — дома на кухне. Конечно, я испытывал непреодолимый стыд, но ничего поделать не мог.

Мать водила меня по врачам. Показывала толстому профессору в клинике с колоннами. Он погладил меня по голове. Все в один голос говорили, что я очень нервный мальчик, что меня нужно расслаблять перед сном, читать сказки. И мама, и папа не преминули воспользоваться их наставлениями, но любимыми моими героями в сказках все равно оставались, как ни странно, Баба-яга и Иванушка на лопате. Я ликовал, что Иванушка спасся, а сестричка Аленушка вынула братца практически из самого устья печки. Добро было непобедимо!

В жизни иной раз и во страшной бывало. В соседнем дворе жил Сашка Останин, старше меня на четыре года. Он ненавидел меня за то, что я ношу очки и занимаюсь в театральной студии. И всякий раз, как видел меня, нещадно лупил. Он был значительно сильнее, что придавало ему еще больше энтузиазма и рвения. Но он не стал моим кошмаром. К тому же в восьмом классе он переехал в другой город.

Другое дело — Баба-яга. Она никуда не могла уехать. И с этим ничего поделать было нельзя.

Много позже я завел сенбернара Кузьму, который в зрелом возрасте весил семьдесят пять килограммов. Он никогда не слышал звуков охоты, но его волчьи гены помнили, как на стаю его предков охотились люди и безжалостно уничтожали. И всякий раз, когда он слышал новогодний фейерверк, он скулил как маленький щенок, бежал напрямиком из комнаты, ласточкой запрыгивал в ванную и лежал в трясушке несколько часов, пока не смолкала канонада.

Так и я, видимо, не мог преодолеть страх каннибальства с тех самых доисторических времен, когда поедание себе подобных считалось нормой.

А тем более детей!

После профессора мать обратилась к травницам. Все они, как правило, — лицом и манерами — походили на мою старуху. Я к ним приближаться боялся. Трехлитровые банки с настоями я выпивал залпом, но все без толку.

Отчаявшись, мать привезла меня в соседнюю деревню к ведьме. Этого я не забуду до конца дней.

Старушка посадила нас с матерью на крыльце, а сама долго бегала по двору наподобие курицы и тихонько кудахтала. Фартук ее трепыхался на ветру. Изредка слышались какие-то слова. В углу двора я заприметил знакомый набор — метлу и лопату, и мне все сразу стало понятно.

Набегавшись, бабка вывела из сарая коня, надела на него хомут и заставила его кружить вокруг нее на веревке. Конь всхрапывал, водил во все стороны мордой, желая отцепиться от ненавистной веревки и вздрагивал всей кожей на спине, когда ведьма хлестала его ивовым прутом.

Прут свистел в воздухе, конь волновался, в уголках рта его скатывалась пена. Я жался от страха к материнскому пальто, да она и сама крепилась изо всех сил. Дикая коня в любую секунду мог вырваться и порубить нас своими черными копытами, таким он казался злым. Косивший глаз его налился кровью и смотрел в мою сторону, бока ходили ходуном.

— Фьють! — свистела вичка над нашими головами.

Конь ржал и пытался встать на дыбки, но опытная старуха не давала ему вырваться, заставляя вновь и вновь бежать от нее по кругу. Закончив издевательство над конем, бабка, тяжело дыша, увела его в сарай и вынесла оттуда хомут. Поставила хомут перед крыльцом на землю и приказала злым голосом:

— Пролезай!

Раздевшись донага, так велела старуха, я трижды под ее наговоры прополз, вздрагивая всякий раз, когда касался спиной хомута, от которого шел пар. Я стыдился собственной наготы, но понимал, что, если что-то сделаю не так, бабка хлестнет меня ивовым прутом по влажной спине, как конягу, и, конечно, еще и лопатой огребет, потому шмыгал туда и обратно, как белка в зоопарке.

— Раз, два, и готово!

Противное прикосновение к телу влажного хомута я помню до сих пор.

После этой процедуры бабушка объявила матери, что я практически здоров. Я и сам так думал. На радостях мы купили домой большой арбуз, сели вчетвером вокруг стола и съели его весь до последнего ломтика.

Ох, не надо было покупать этот арбуз! Ни в коем случае нельзя было покупать, потому что я его очень любил, большой, астраханский, как я сейчас понимаю, с тигриными полосками и черным хвостиком, как у свинки. Я наелся им до отвала, лег с полным животом, заснул как убитый, а ночью опять увидел бабку. Она пряталась за шторой и скалилась надо мной и мамкиными усилиями.

Писать под себя было сладко, все напряжение растворилось до капельки, и я наконец расслабился, как говорил умный профессор. Наутро, наоборот, было стыдно и горько. Думалось, что это будет продолжаться бесконечно всю жизнь.

Однажды к нам приехали два коротко стриженных мужика в национальной бурятской одежде. Как объяснили родителям, представляли они великих монгольских шаманов. Те в Монголии стоили много денег, наши бурятские — меньше. На самом деле, это пустяки по сравнению с пользой, которую они принесут, поэтому денег жалеть не следует. Естественно, они проведут предварительный обряд, который покажет, надо или не надо впоследствии приезжать великим шаманам. Родители согласились.

Для проведения ритуала отец купил пять бутылок водки и голову лошади.

Мать отправили на кухню готовить, а отец с бурятскими шаманами немедленно приступили к обряду. Я сидел на улице и смотрел из палисадника на все происходящее снаружи.

Для того чтобы рассказать об этой ассамблее, нужно мысленно представить комнату, где сидели гости.

Кухню я не стану описывать, потому что там только готовили и грелись у печки. А в комнате сразу направо стоял диван, упиравшийся в окно. Перед окном стояла

швейная машина со старой радиолой, дальше в углу — шифоньер, перпендикулярно к нему — комод, на нем небольшой телевизор. Слева, в углу, двуспальная кровать. В центре — круглый стол и два стула. Ходить в квартире можно было только боком.

Мать и отец сидели на стульях. Гости — на диване. Я наблюдал за ними с улицы.

Выпив по бутылке огненной воды, шаманы оживились, громко заговорили, похваляясь победами в искусстве излечения различных хворей. Затем достали из мешка бубны и начали громко стучать в них специальными палками. Гром стоял на весь двухэтажный барак. В нем всего-то было двенадцать квартир. Через три минуты в квартиру постучались соседи и в ультимативной форме потребовали прекратить этот балаган.

Тогда гости выпили еще по бутылке, вышли на улицу в палисадник и продолжили ритуал на улице. Мать вынесла еще огненной воды. Выпили. Шаманы раздухарились. Неожиданно тот, кто поменьше, упал на землю и стал бить в бубен, громко и нечленораздельно крича.

— Это он духов призывает, — объяснил сосед дядя Володя со второго этажа. Впрочем, никто не мог сказать доподлинно, что или кого он призывал, потому что не знали бурятской речи. Орал он долго и страшно.

Пока младший шаман с закатившимися под лоб глазами корчился в конвульсиях на земле, старший сноровисто и незаметно для всех остальных разжег в палисаднике костер невероятной силы. Тут и взрослые испугались. Дома в округе были сплошь деревянные, так что загорись один, запыхлала бы и все остальные. Дядя Степа, сосед, бросился гасить костер, шаман его не пускает, головешку в руки взял и крутит перед самым носом дяди Степы. Тут другие мужики помогли и скрутили врачей. Кровищи было пролито немерено!

После схватки все разошлись залечивать раны. Шаманы долго не могли угомониться, рвались из дома, чтобы разобраться с обидчиками, потом как-то быстро увяли, по инерции, без тостов и похвальбы, выпили с отцом оставшуюся водку и быстро захрапели. Постелили им на полу. Нам с сестрой, за неимением лежачих мест, пришлось спать в сарае, но на дворе царствовало лето и спать мешало только шебуршанье мышек.

Наутро я, конечно, обпрудонился по полной программе.

За завтраком состоялось совещание. Коренастый бурят, звали его Федор, сказал, что злые духи остались непобедимы. Поэтому мне и матери нужно ехать на остров Ольхон, туда приедут шаманы из Монголии невероятной духовной энергии. Но, конечно, они стоят больших денег. Не хотите лечиться — ваше дело. Родители посоветовались и согласились отправиться в путешествие.

Через двадцать дней мы с матерью приехали на Ольхон. В поселке на небольшом подворье нас приветливо приняли хозяева. Среди них были и буряты, и русские, молодая пара из Москвы. Я купался и рыбачил с соседскими ребятами. Вечерами собирались вокруг большого стола, рассказывали рыбацкие истории, про знаменитые байкальские ветра, про духов. Все жили в предчувствии обряда. Недалеко от дома в степи стоял приготовленный для обряда чум. Шаманы приехали через несколько дней.

В поселке жила еще одна бабка, та тоже на удачу — еще до приезда монгольских гостей — отважилась меня излечить. Привела меня мать к ней, та налила в ковшик воды, поставила его мне на голову, пошептала надо мной и стала капать в ковшик горячий воск со свечи. Он складывался в узоры, бабка что-то матери говорила про них, и выходило, что она вроде даже как угадала, что со мной произошло. И на том спасибо.

За несколько дней, предоставленный самому себе, я бегал с местными ребятами по берегу острова, купался на рассвете недалеко от знаменитой скалы Шаманки.

Этот рассвет я помню до сих пор. И обжигающую спокойную воду Байкала, и какое-то непонятное жужжание под водой, душа ныла от восторга и трепета.

Но вот приехали шаманы, очень похожие на тех, кто приезжал к нам в гости в Иркутск. Со мной они практически не общались до самого обряда. Однажды вечером мать взяла меня за руку, и мы поехали на машине до места в степи. Там возле сопки стояла юрта, а рядом пылал огонь. Меня посадили в юрту, молодой шаман выпил огненной воды. Одну бутылку залпом, вторую с перерывом, после стал бить в бубен, петь и плясать вокруг костра. Вскоре он себя распалил до того, что скинул одежду и остался в исподнем. Продолжалось это долго. Я очень устал, мне хотелось спать, несмотря на душераздирающие крики. Потом к молодому присоединился другой, постарше. Через какое-то время и он тоже бездыханный лежал на земле, словно умер. Хозяйка нашего дома принесла им молоко. Два бидона.

Однажды я выпил, не останавливаясь, три литра молока. Мне было очень жарко, вероятно даже, со мной случился солнечный удар. Я и не помнил, как выпил. Только мать потом удивлялась.

Так вот, взрослые мужики выпили по два трехлитровых бидона и потом встали свеженькие, но очень уставшие. До меня они не касались, просто молились за меня перед своими духами. Вымаливали прощение. Потому что в прошлой жизни я сделал что-то очень плохое, и духи наказали меня. Чтобы знал!

Во всяком случае, этой же ночью выяснилось, что и этот обряд пошел насмарку. Шаманы объясняли, что в той — прошлой жизни — я был таким гадом, что нет теперь мне прощения в этой жизни. И должен страдать до конца дней.

Утром, расстроенные, мы поехали домой. И вот в одну прекрасную ночь я опять описался, проснулся, заныл. А мама, вместо того чтобы мне посочувствовать, вдруг строго сказала:

— Сколько можно, Степка?! Ты же уже большой мальчик! Как тебе не стыдно! С чего бы ей это раньше не сказать? После этих слов у меня все прошло.

ПЛИНТЫ

Однажды пришлось мне поработать в Иркутске. Зима была не из мягких. Я так сильно простудился, что спал сидя.

Прописки иркутской не было, а значит, и в поликлинику просто так не придешь. Сначала решил перенести все на ногах, а когда совсем стало невмоготу, обратился к Галине Александровне Плинт, директору театрального училища.

Она подумала и говорит:

— У меня Сашка сроду не болел ничем, и карточки у него в поликлинике нет. Посему пойдешь вместо него.

Саша, ее муж, работал главным художником в драмтеатре. Заехали за ним, он взял паспорт — и оттуда втроем в поликлинику. В регистратуре заполнили на него карточку, дали направление, а там я уже стал действовать самостоятельно. Притом в карточку по легкомыслию не посмотрел, так — повертел в руках, и все.

Отстоял очередь, захожу в кабинет, вижу, у доктора на халате написано — «Валентина Васильевна», то есть моя полная тезка! Я обрадовался, протянул к ней руки для объятия и говорю радостно:

— О-о-о!

Она на меня смотрит вопросительно.

Я осекся, говорю:

— Так, совпадение, извините, обознался.

Прочитала она карточку, спрашивает:

— Как ваше отчество?

Я задумался. Мыслями потек в сторону драмтеатра, оттуда — в кабинет к Сане, начал вспоминать ситуации, когда кто-то к нему обращался по имени-отчеству. Вспомнил, говорю неуверенно:

— Ильич.

Доктор странно на меня посмотрела. А Саня в городе, конечно, известный человек. Притом фамилия у него не Иванов и Петров, а Плинт, ее не сразу и забудешь, если услышал хоть раз.

Потом Валентина Васильевна послушала мои хрипы, по ее лицу я понял, что здоровье мое никудышное и зря вообще я строю планы на будущее. Перед самым прощанием она вдруг, глядя в карту, опять спросила:

— Сколько вам полных лет?

Тут я впал в кому. Начал шептать про себя, какой же я идиот, что в карту не поглядел. Потом мельком на столе увидел какую-то цифру, начал отнимать, потом прибавлять — с арифметикой я с детства не дружил — и в конце концов брякнул:

— Пятьдесят шесть.

Как впоследствии оказалось, совершенно точно — пятьдесят шесть!

Доктор посмотрела на меня с сожалением и покачала головой, мол, да, плохонько выглядите для таких лет. Я уж не стал ей объяснять, что я старше Сани на семь годков и на самом деле еще ого-го!

Пошел сдавать кровь. Молоденькая, но строгая медсестра грозно спросила:

— Так вы родственники, что ли?

Я похолодел, но ответил бодро, по-военному:

— Да!

— А кто? — заинтересовалась медсестра. Такая любознательная оказалась. Отвечаю:

— Брат.

— А работаете где? — и взглядом подозрительно меня буравит. Я подумал, что врать дальше надо с большой осторожностью, а то влипнешь в какую-нибудь историю. Скажешь, например, что инженер. Спросят, где. На каком заводе? И т. д. Поэтому я сказал то, что знал наверняка.

— В театре, — говорю.

— А кем? — я понял, что она неспроста спрашивает. Отвечаю:

— Вторым художником.

В том смысле, что, мол, брат — первым. А я — вторым.

Тут медсестра усмехнулась и, вздохнув, сказала:

— Понятно.

Мол, в том смысле, что примазался к своему брату, к славе его, к известности. Я молчу.

На другой день — на физиопроцедуре — ко мне подошла врач и говорит:

— Мне сказали, что вы хорошо рисуете.

Я неуверенно пожал плечами, понял, куда она клонит. И верно, она подтвердила мои наихудшие подозрения.

— Нам надо в отделении газету нарисовать. Сделаете?

Знала бы она, как я рисую... Остап Бендер по сравнению со мной Рембрандт. Честно глядя ей в глаза, я ответил:

— Сейчас перед Новым годом столько работы!... Так что мне лучше жениться...

Врач рассмеялась и отошла. Жениться сегодня у нее в планах не стояло.

В коридоре встречаюсь с медсестрой, которая у меня кровь брала. Спрашивает:

— А вас как зовут?

Отвечаю, мол, Александром Ильичом.

У нее поднялись брови.

— А брата вашего?

Вон что ее заинтересовало. Наверное, дома у нее лежит программка спектакля, а в ней черным по белому написано — Александр Плинт. А еще, может быть, и видела его. Или даже знакома?! Отвечаю:

— И его Александром. Мы два брата — Александры. Так захотели родители.

— Странные, — говорит, — у вас родители.

Ничего не ответив, я схватил шапку, пальто в охапку и — бегом из этой подзрительной поликлиники.

Так и не долечился...

ДЕЛО В ШЛЯПЕ

Встретился в Москве с товарищем — известным композитором. И, как всегда, в результате не без приключений. Зная, что по склонности характера и маниакальности натуры я все равно рано или поздно все опишу, товарищ слезно попросил не называть его фамилию. Я обещал. Для удобства изложения назовем его Алексеем.

Естественно, пошли мы с Лешей в ресторан, но не в простой, а в синагогу на Малой Бронной, которой сто двадцать пять лет. С девятнадцатого века стоит. Правда, уже не доисторическая рухлядь, а современное здание из мрамора и черного стекла. На пятом этаже дивный изысканный ресторан с потрясающей кухней.

Поели, попили кошерного. Вокруг хасиды, пейсы, шляпы, бороды до пояса, дети на иврите разговаривают, музыка соответствующая. В общем, в атмосфере.

Все переговорили, всех перевспомнили, наохотались, погрустили. Я ему похвастался, что написал еврейскую пьесу под псевдонимом, потому что никто не поверит, что гой смог бы написать кошерную пьесу. Однако, что правда, то правда. Прочитал роман Эфраима Севелы, там вычитал один сюжет, вдохновился и на его основе сочинил вполне самостоятельное произведение.

Стихи написала Наташа Шимкевич, кемеровский режиссер и поэтесса. Музыка придумал сам, про что скромно умолчу. Произошло это преступление против культуры по необходимости, потому что все композиторы в это время с Камчатки уехали.

Ну и вот. Сегую ему, что вот таких шляп, как у хасидов, на Камчатке не достать. И что делать, в ум не возьму, а без шляп нельзя представить себе еврейское местечко на границе нашей Родины. Сделать такое фетровое чудо собственными руками невозможно. У нас в театре, конечно, замечательные бутафоры, но не Боги. А шляпы вальять — не горшки печь. Это делают в специальном месте. Алеша подмигнул и говорит:

— Ерунда, не переживай. Найду я тебе шляпу.

После изрядного подпития спускаемся на первый этаж, собственно в синагогу. В моельном зале на спинках скамеек лежит около десятка изумительных вождельных шляп. Леша говорит:

— Я тебе говорил за шляпу? Выбирай любую. Их сюда составами из Америки привозят.

Я перемерил все десять, выбрал по голове, и мы, пошатываясь, пошли вон. На выходе охранники поглядели на меня с уважением. По крайней мере, мне так показалось. Шляпа, действительно, здоровущая. Я в ней был похож на мальчику-луковку из сказки Джанни Родари. И так и шел по Москве, поражая воображение россиян. Когда бы и где они еще увидели живого Чиполлино?!

В общем, чучело чучелом.

По дороге Леша зашел в банк и разменял шестьсот долларов. Потом мы растались. Он пришел домой, шась-шась по карманам — нет валюты! Все карманы

пересмотрел, принялся за книги, крупу, за собственным портретом посмотрел, в общем, все потаенные места перепроверил, где когда-либо деньги прятал. Перешерстил всю библиотеку, а она у него немалая. Заглянул даже в носки на всякий случай. Чего по пьянке не бывает?

Наутро приезжает жена с дачи. Алексей расстроенный, нервно курит на кухне, она спрашивает, в чем дело. Он рассказывает, заикаясь. Она говорит:

— Да вот же они! — и показывает на телевизор.

И Алеша понимает, что Господь Саваоф в который раз, наверное, обратил его к собственной душе, наказал не потерей ничтожных денег, а беспамятством за преступное деяние.

Алексей снова вспомнил Создателя, и на душе стало тепло и надежно. В трудную минуту Великая Благодать помогла ему вновь обрести веру. Чтобы смыть грех, он звонит нашему общему товарищу, бывшему режиссеру, а ныне раввину из Дюссельдорфа Леве Когану, рассказывает суть дела.

Кто же еще и научит, и направит на путь истинный, как не раввин? Лева задумался надолго. В его практике такое было впервые. Чтобы еврей гою помог из синагоги кошерную шляпу спереть — уму непостижимо! Потом изрек:

— Вообще-то шляпа не из дешевых. Стоит шестьсот долларов.

Леша чуть со стула не упал. Пот выступил на челе. Аж зубы заломило. Не может быть такого совпадения!

— О, великий Израиль, прости меня!

Спрашивает Леву, что делать, как замолить проклятое преступление? Лева еще дольше молчал, чесал пейсы, чтобы товарищ прочувствовал до печенок свой позор, и наложил эпитимью.

— Прочитаешь половину торы, подлец, и сдашь в синагогу триста рублей.

На другой день поутру Леша уже бежал на Малую Бронную как сумасшедший. А навстречу ему я в новой шляпе.

— Азохен вэй!

Потому что я подумал, зачем мне одна шляпа? Что я с ней буду делать? Другое дело — две. Одна мне, другая Зяме — моему художественному руководителю. Как мы выйдем с ним на сцену в этих шляпах, все упадут со стульев!

Притом эта шляпа была еще краше вчерашней. И очень мне шла.

Леша чуть не плакал. Я вытер ему слезы, успокоил как мог. Сказал, что шляп там еще много, что их из Америки составами привозят и еще привезут, что они никому не нужны, что их, наверное, оставили на скамейке за ненужностью. А если вдруг кто и обнаружил пропажу, то поймет, что это божий промысел, что кому-то эта шляпа нужней, чем ему.

И это истинная правда!

На самом деле шляпы лежали для желающих помолиться. Захотел поговорить с Богом, надел шляпу, помолился — положи обратно.

Мы попрощались, Леша скорбно скомкал в руке шестьсот рублей и, склонив голову, побежал в синагогу.

И первая, и вторая шляпа, действительно, пригодились. В первой на Камчатке играет Олег Миронов, а во второй в Ивановском драмтеатре, где также идет эта пьеса, играет исполнитель главной роли Алешка Втулов.

И вот я думаю, если мне предстоит еще раз повторить постановку в следующем театре, что делать?.. Идти еще раз в синагогу и сразу звонить Алексею?

Или объяснить с ребе? Интересно, что он мне скажет?

Думаю, простит.

